

УД 6469

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Проверка
2007

СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА

ОРГАН
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР

5

МАЙ
1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

135205

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>П. Н. Груздев, проф.</i> — О воспитании мышления в процессе обучения	3
<i>Г. Е. Жураковский, проф.</i> — О развитии истории педагогики как науки и учебного предмета	19
<i>К итогам дискуссии о принципах и методах воспитания коммунистической морали</i>	35
К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского	
<i>Б. М. Теплов, проф.</i> — Психологические взгляды В. Г. Белинского	38
<i>М. Ф. Шабаева</i> — Борьба В. Г. Белинского в 30—40-е годы XIX в. со школой муштры и зубрежки	61
<i>К. И. Львов, проф.</i> — В. Г. Белинский о воспитании женщины	76
Педагогическая жизнь	
<i>Е. И. Глазунова</i> — Из опыта пионерской работы	84
<i>И. В. Бычков</i> — Юнцатская работа в сельской средней школе	93
За рубежом	
<i>Е. С. Лившиц</i> — Послевоенный кризис во Франции и реформа школы	104
Критика и библиография	
<i>П. Н. Шимбирев, проф.</i> — Работа школ Москвы и Ленинграда по идейно-политическому воспитанию учащихся	114
<i>В. З. Смирнов</i> — Обсуждение книги проф. Е. Н. Медынского „История педагогики“	118
Научно-педагогическая хроника	
<i>Ю. Иванов</i> — Ф. А. Рау (К 60-летию педагогической деятельности)	123
<i>И. П. Соколов</i> — О работе Академии педагогических наук РСФСР в 1947 г. и о плане работ на 1948 г.	125
<i>С. Д. Израйлович</i> — В Институте школьной гигиены АПН РСФСР	127
<i>Л. Е. Раскин</i>	129

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Каиров И. А. (редактор)
Есипов Б. П. (зам. редактора)
Константинов Н. А.
Свадковский И. Ф.
Смирнов А. А.
Солохин А. Ф.
Шимбирев П. Н.

Техн. редактор *П. Г. Ислентьева*

Адрес редакции: Москва, Лобковский, 5/16. Тел. К 7-80-63.

А-04350. Сдано в производство 6/IV 1948 г. Подписано к печати 12/V 1948 г.
8 печ. л. Уч.-изд. л. 12,03. В 1 п. л. 68 200. Формат 70×108¹/₁₆.
Тираж 25 000 экз. Цена 6 руб. Зак. 252.

13-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Денисовский, 30

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Г. БЕЛИНСКОГО (1848—1948)*

Проф. Б. М. ТЕПЛОВ

Действительный член Академии педагогических наук РСФСР

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Перед советскими психологами стоит задача создания марксистской истории психологии. Актуальность этой задачи несомненна не только с теоретической, но и с практической точки зрения: в ближайшие годы курс истории психологии должен читаться более чем в 30 вузах Советского Союза. Правильное разрешение этой задачи предполагает не простой «пересмотр» той концепции истории психологии, которая стала традиционной в буржуазной науке, но кардинальную ломку этой концепции. Другие имена, другие проблемы должны выступить на передний план.

Психология принадлежит к числу тех наук, которые получили возможность стать подлинными науками только на основе философии диалектического материализма. История домарксистской психологии — это предистория научной психологии. В этой предистории одно из важнейших мест должны занять психологические взгляды русских мыслителей-материалистов середины XIX в.: Белинского, Герцена, Чернышевско-

го и Добролюбова. В их работах поставлены многие действительно центральные вопросы психологии и в некоторых случаях намечено правильное их решение.

С точки зрения актуальных задач советской психологии работы великих русских революционных демократов представляют несравненно больший интерес, чем специально «психологические» труды многих прославленных зарубежных психологов, в которых жизненно важные психологические вопросы или обходятся вовсе (примеры — Вундт, Титченер, Келер), или получают чудовищно искаженную трактовку (самый яркий пример — Фрейд).

В литературном наследстве Белинского содержатся не только отдельные высказывания по различным вопросам психологии. Над некоторыми психологическими проблемами Белинский неотступно думал и работал в течение всей своей литературной деятельности. Сюда относятся: проблема психологии творчества, проблема одаренности и таланта, проблема восприятия искусства. В истории разработки этих вопросов Белинскому принадлежит одно из самых почетных мест.

Рассмотрение взглядов Белинско-

* Помещаю статьи о В. Г. Белинском, редакция журнала предполагает в последующих номерах продолжить освещение его общественно-педагогических взглядов.

го по этим вопросам в настоящую статью не включается вовсе. Это должно составить задачу специального исследования. Однако такому исследованию необходимо должно предшествовать изучение высказываний Белинского по общим вопросам психологии. В настоящей статье автор и стремился выполнить эту последнюю задачу.

При этом целью автора было не столько толкование, интерпретация психологических высказываний Белинского, сколько собирание и систематизация этих высказываний; не столько — говорить о Белинском, сколько — дать возможность говорить самому Белинскому. Такой подход естественен в работе, являющейся первой попыткой изучения психологических воззрений Белинского¹.

Психофизическая проблема

В отличие от Герцена, Белинский редко касался проблемы материального субстрата психики, вопросов взаимоотношения душевного и телесного. Происходило это прежде всего потому, что он считал себя мало компетентным в естественных науках вообще, а следовательно, и в физиологии. «О естественных науках, — писал он В. П. Боткину, — я готов болтать, или, лучше сказать, слушать, кто это дело знает; но заниматься самому ими — это не мое дело»².

Те немногие высказывания по этому вопросу, которые мы все же находим у Белинского, говорят о том, что в последние годы жизни он стоял на тех же позициях, что и Герцен (надо полагать, что Герцен был как раз тем, «кто это дело знает» и кого Белинский был «готов слушать» по этим вопросам). Эти позиции можно охарактеризовать

так: психическое неотделимо от своего материального субстрата, мысль неотделима от мозга но психическое нужно «отличать» от физиологического, не сводить к нему.

Одно из относящихся сюда высказываний Белинского, содержащееся в статье 1847 г., не раз уже цитировалось в нашей литературе. Вот оно: «Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? — Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед этою массой мозга, где происходят все умственные отправления, откуда по всему организму распространяются, через позвоночный хребет, нити нервов, которые суть органы ощущений и чувств... Иначе, вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины, или — что еще хуже — сочините свои небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими. Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии»³.

Еще более полно и точно выражена позиция Белинского в одном из относящихся тоже к 1847 г. писем к В. П. Боткину.

«Что действия, т. е. деятельность, ума есть результат деятельности мозговых органов — в этом нет никакого сомнения; но кто же подсмотрел акт этих органов при деятельности нашего ума? Подсматривают ли ее когда-нибудь?» «Духовную природу человека не должно *отделять* от его физической природы, как что-то особенное и независимое от нее, но должно *отличать* от нее, как область анатомии отличают от области физиологии. Законы ума должны наблюдаться в действиях ума. Это дело логики, науки, непосредственно следующей за физиологией, как физиология следует за анатомией». Логика (конечно, правильнее было бы говорить здесь о психологии, — как это и делает Белинский в выше цитированной статье) «должна идти своею дорогой,

¹ Ссылки на сочинения Белинского даются по Полному собранию сочинений (тт. I—XI под ред. С. А. Венгерова, СПб, 1900—1917, т. XII под ред. В. С. Спиридонова, М.—Л., 1926), на его письма — по трехтомному изданию писем под ред. А. А. Ляцкого, СПб, 1914.

² Письмо В. П. Боткину 6 февраля 1847 г. «Письма», т. III, стр. 164.

³ «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», Соч., т. X, 1847, стр. 406.

но только не забывать ни на минуту, что предмет ее исследований — цветок, корень которого в земле, т. е. духовное, которое есть не что иное, как деятельность физического»⁴.

Так же, как и Герцен, Белинский становится в решении психофизической проблемы на позиции материализма, но предостерегает — также подобно Герцену — от механицизма, от растворения психологии (или логики) в физиологии.

Психология личности

Как отмечалось уже в нашей литературе⁵, для Белинского центральным психологическим понятием является понятие личности. Такие понятия как «ум», «фантазия», «чувство» и т. п. являются для него не столько обозначением психических процессов, сколько указанием на психические свойства личности. Личность «дает реальность и чувству, и уму, и воле, и гению»; без нее все это «или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность»⁶.

Личность это цельное психофизическое существо — «человек в теле или, лучше сказать, человек через тело. Оттого на свете столько умов, сколько людей, и только у человечества один ум». Телесная природа личности накладывает на каждого человека печать неповторимой индивидуальности, накладывает эту печать даже на ум — наиболее «общее», что есть в человеке. «Сколько на свете умных людей, и между тем у каждого из них свой ум. Это не значит, чтобы умы у людей были разные: в таком случае люди не могли бы понимать друг друга; но это значит, что у самого ума есть своя индивидуальность»⁷.

⁴ Письмо к В. П. Боткину, 17 февраля 1847 г. «Письма», т. III, стр. 175. Курсив здесь (как и во всех других цитатах, где нет специальной оговорки) Белинского.

⁵ Б. Г. Ананьев, Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. Госполитиздат, 1947, стр. 86.

⁶ «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», Соч., т. X, 1847, стр. 408.

⁷ Там же, стр. 407.

«У всякого человека есть *лицо*, следовательно, всякий человек есть *личность*». Однако не все люди в равной мере являются личностями. «Личность имеет свои степени и свою постепенность». В человеческом роде гораздо больше существ неопределенных, бесцветных, бесхарактерных, следовательно, *безличных*, нежели существ с резким выражением *особенности*. «Гений есть высочайшее развитие личности»⁸.

Формирование личности и, в частности, характера не есть некий процесс имманентного развития: оно определяется условиями жизни («обстоятельствами») и воспитанием.

«Чтобы, судя о ближнем, не отклоняться от истины, должно брать в соображение все обстоятельства, органические, природные, воспитания и внешней жизни»⁹.

«Характер зависит от обстоятельств внешних, от того, какое направление дается ему при развитии лицами, прямо или косвенно руководящими этим развитием, — или обстоятельствами, среди которых он развивается»¹⁰.

Необходимость воспитания, зависимость от воспитания — одно из самых существенных отличий человека от животного. «Зверь родится почти готовым; как скоро молоко матери поставило его на ноги — он совсем готов, его воспитание конечно. В устройстве своего тела и в своем инстинкте он имеет все, что нужно для поддержания и охранения его существования». «Человек родится в более жалком и слабом состоянии, нежели зверь. Искусство, об руку с природой, встречает его у порога жизни и провожает за порог жизни. Необходимость в пеленке, в колыбели уже показывает его зависимость от искусственного, противоположного природе. Он все должен перенять от взрослых — и

⁸ «О жизни и сочинениях Кольцова», Соч., т. X, 1846, стр. 280—281.

⁹ Письмо к М. А. Бакунину 1 ноября 1837. «Письма», т. I, стр. 147.

¹⁰ «Записки Семена Порошина», Соч., т. IX, 1844, стр. 49.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ (1811—1848)

язык, и понятия, и формы жизни»¹¹.

Интересно отметить, что еще в 1837 г., т. е. в период максимального увлечения Белинского философией субъективного идеализма, он в переписке с М. А. Бакуниным горячо защищает тезис о зависимости «внутреннего» от «внешнего».

Белинский никогда не был таким последовательным идеалистом, как Бакунин. Восторженно принимая (в те годы) обще-теоретические положения идеализма, он решительно тяготел в вопросах жизненной психологии к стихийному материализму коренным образом расходясь в этом пункте с своим философским другом. Спор о роли «внешнего» составляет один из главных мотивов в их переписке за 1837 г.

В первый раз Белинский остро поставил этот вопрос применительно к своему собственному духовному развитию: «Что же, спрашиваю я тебя, что же причиною бесплодности моих порывов, моего душевного жара и моих прекрасных даров, в которых не отказала мне природа? — Вот вопрос, который я окончательно решил во время моего пребывания на Кавказе. Внешняя жизнь или, лучше сказать, дисгармония внешней жизни с внутреннею. Какая причина этой дисгармонии? Беспорядок жизни и *гривенники*, которыми ты так презираешь, что не велишь даже писать тебе о них, чтобы не разрушить твоего блаженства»¹². Это письмо послужило началом длительного спора, в котором Белинский упорно восставал против идеалистического учения об имманентном, чисто «внутреннем», независимом от «внешних» факторов, духовном развитии.

«В жизни человека, т. е. в его развитии, главное заключается во внутреннем, как данном, но несмотря на то, нельзя отвергнуть какого-то взаимодействия и со стороны внешнего. Только в здоровом теле может оби-

тать здоровая душа — против этого нет спора»¹³.

«Дух развивается во времени и в обстоятельствах: эти обстоятельства необходимы». «Обрати внимание на то, почему мы, понимая все так хорошо, не могли ничего осуществить нашей жизнью: причина кроется в воспитании, в котором мы несколько не виноваты. Человек тем и отличается от животных, что он весь зависит от развития. Ему надо привыкнуть не горбиться, не класть пальцев в рот»¹⁴.

Если в период своей идеалистической молодости Белинский сумел в разрез со взглядами бакунинского кружка — понять ложность концепции о чисто «внутреннем» развитии личности, то тем более остро должен был стоять перед ним этот вопрос в более зрелые годы его жизни. Проблема направленности на «внутреннее» в ущерб направленности на жизнь, проблема «интравертированности» — если пользоваться терминологией современной психологии — всегда стояла перед ним, как одна из важнейших проблем психологии личности. Она представляла для него интерес не только теоретический. «Уход во внутреннее» был очень распространенной позицией среди людей 40-х годов; актуальна поэтому была и борьба с попытками теоретически оправдать этот «уход». Для Белинского этот вопрос имел несомненный политический смысл.

«Религиозное уважение к так называемой «внутренней жизни» — это исчадие немецкого эгоизма и филистерства»¹⁵.

«Недостаток внешней деятельности для меня не может вознаграждаться внутренним миром, и по этой причине внутренний мир — для меня источник одних мучений, холода,

¹¹ Письмо к М. А. Бакунину от 21 ноября 1837. «Письма», т. I, стр. 177.

¹² Письмо к М. А. Бакунину, написанное между 15 и 21 ноября 1837. «Письма», т. I, стр. 157; 170.

¹³ Письмо к сестрам Бакуниным 8 марта 1843. «Письма», т. II, стр. 347.

¹¹ «Сельское чтение», Соч., т. XI, 1848, стр. 163.

¹² Письмо к М. А. Бакунину от 16 августа 1837. «Письма», т. I, стр. 116.

апатин, мрачная и душная тюрьма»¹⁶.

Конечно, не сам по себе «внутренний мир» был так ненавистен Белинскому, а «уход» в него, заменяющий «внешнюю», т. е. общественную, деятельность. Белинский великодушно понимал антиобщественный смысл этого «религиозного уважения к внутреннему миру».

Такой уход от жизни в свой «внутренний мир» Белинский называл «прекраснодушием»¹⁷, «романтизмом» (разумея под этим термином не только эстетическую, но и психологическую категорию)¹⁸, а людей этого типа — «романтиками», «идеальными людьми», «идеалистами»¹⁹.

«Романтики вообще враги всего практического, которое они с презрением отдали на долю «толпы», не понимая в своем ослеплении, что всякий гений, всякий великий деятель есть человек практический, хотя бы он действовал даже в сфере отвлеченного мышления. Разлад с действительностью — болезнь этих людей. В дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спешить жить, они, вместо этого, только рассуждают о жизни». «Не жить, но мечтать и рассуждать о жизни — вот в чем заключается их жизнь»²⁰.

Что касается собственно психологической характеристики людей этой категории, то основная их особенность — развитие фантазии за счет всех других психических способностей. «Эти идеалисты думают о себе, что они исполнены страстей, чувств, высоких стремлений, но в сущности все дело заключается в том, что у них фантазия развита на

счет всех других способностей, преимущественно рассудка»²¹.

Наиболее полный психологический анализ типа «романтика», «прекраснодушного» или «идеального» человека дан Белинским при характеристике образа молодого Адуева в «Обыкновенной истории» Гончарова.

Молодой Адуев «был трижды романтик — по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни». Такие люди «рано обнаруживают тонкое понимание неопределенных ощущений и чувств, любят следить за ними, наблюдать их и называют это — наслаждаться внутреннею жизнью». «Вообще они богато одарены от природы душевными способностями, но деятельность их способностей часто страдательная: иные из них много понимают, но ни один не способен что-нибудь делать, производить». «Фантазия в них преобладает над рассудком и сердцем, но не та фантазия, посредством которой поэт творит, а та фантазия, которая заставляет человека наслаждение мечтами о благах жизни предпочитать наслаждению действительными благами жизни»²².

Отсюда можно понять те на первый взгляд поражающие противоречия, которые можно заметить в оценке Белинским фантазии. Считая творческую фантазию ядром поэтического и вообще художественного таланта, и в этом смысле ценя ее исключительно высоко, он, однако, на протяжении всей своей литературной деятельности «боролся с фантазией», как с наиболее опасной психической чертой личности. «Главное дело, бойся фантазии»²³. «Подлейшая часть человеческой души — фантазия»²⁴. «Для детей страшно вредно все, что развивает и возбуждает фантазию на счет других интеллектуальных способностей; фантазия у детей и без того самая деятельная способность, и поэтому ее сле-

¹⁶ Письмо к Н. А. Бакунину 9 декабря 1841. «Письма», т. II, стр. 274.

¹⁷ «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого», Соч., т. VIII, 1843, стр. 100.

¹⁸ «Русская литература в 1841 г.», Соч., т. VII, 1842, стр. 26—27, «Русская литература в 1845 г.», Соч., т. X, 1846, стр. 98—100.

¹⁹ «Сочинения А. Пушкина, ст. IX», Соч., т. XII, 1845, стр. 126.

²⁰ «Русская литература в 1845 г.», Соч., т. X, 1846, стр. 98—100.

²¹ «Сочинения А. Пушкина, ст. IX», Соч., т. XII, 1845, стр. 126.

²² «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», Соч., т. XI, стр. 124—125.

²³ Письмо к А. П. Ефремову, 1 августа 1838. «Письма», т. I, стр. 207.

²⁴ Письмо к В. П. Боткину 6 февраля 1847. «Письма», т. III, стр. 165.

дует скорее сдерживать, нежели возбуждать»²⁵.

Дело в том, что слово «фантазия» имеет у Белинского два разных значения. С одной стороны, это — способность «мыслить и чувствовать образами», способность, лежащая в основе творческой деятельности поэта. С другой стороны, — это способность, а вернее склонность, заменять какую бы то ни было деятельность мечтами.

Строго говоря, фантазия как психический процесс есть оперирование образами. Но, становясь чертой личности, она может получать различный, даже прямо противоположный смысл — она может порождать и творческий талант и бездеятельную мечтательность. Боролся Белинский не столько с фантазией, как таковой, сколько с «мечтательностью», с мечтой, заменяющей действительность. «Самая ограниченная, самая пошлая действительность лучше жизни в мечтах»²⁶. «Самая роскошная мечта стоит меньше самой небогатой сущности»²⁷.

Конечно, Белинский понимал значение «мечты полезной». Но подчеркивать этот момент в 40-е годы, как это сделал в 60-е годы Писарев, было бы политической ошибкой, так как «уход в мечту от жизни» являлся в эту эпоху лозунгом реакции.

«Жизнь есть действие, а действие есть борьба» — этот лозунг дважды возглашается Белинским в первом его крупном произведении, в «Литературных мечтаниях»²⁸. Этому лозунгу он остался верен до конца.

О человеке надо судить по делам его. «Всякого должно судить не по одним словам его, но

если по словам, то не иначе, как подтвержденным делами»²⁹.

Признавая всю важность теоретического познания, Белинский, однако, утверждает примат практики: теория без практики равно ничего не значит. «Так как человек не только существует, но и мыслит, то всякий предмет, в отношении к нему существует не только практически, но и теоретически, и человек только тогда вполне владеет предметом, когда схватывает его с этих обеих сторон. Но одно практическое обладание предметом еще значит что-нибудь, тогда как одно теоретическое равно ничего не значит»³⁰.

Свое собственное мышление человек познает сначала не непосредственно, а опосредствованно — через свои действия. «Человек не прямо же, не чистым мышлением дошел до сознания, что у него есть ум, а заметил это прежде всего из собственных действий, в которых отразился его ум, но которые он опять-таки только через чувства сознал своим умом»³¹.

Это положение взрывало фундамент всей идеалистической психологии — учение о том, что психика (явления сознания, идеи, ум) является единственным непосредственно данным объектом познания. Лишь философия марксизма создала принципиально иной фундамент для психологии, заложив тем самым возможность построения науки о психике. У Белинского приведенное положение было лишь замечательной догадкой, но догадкой, говорящей о гениальном взлете мысли.

Так как жизнь есть «беспрерывное развитие, беспрерывное движение вперед»³², то в течение жизни меняется и психический склад человека: каждому возрасту свойственен характер

²⁵ «Новая библиотека для воспитания», Соч., т. X, 1847, стр. 505.

²⁶ Письмо к А. П. Ефремову 1 августа 1838, «Письма», т. I, стр. 207.

²⁷ Письмо к М. В. Орловой, 7—8 сентября 1843, «Письма», т. III, стр. 5.

²⁸ «Литературные мечтания», Соч., т. I, 1834, стр. 319, 360.

²⁹ «Сочинения А. Пушкина, ст. VII», Соч., т. XII, 1844, стр. 32.

³⁰ Там же, стр. 35.

³¹ «Картина земли Постельса», Соч., т. X, 1847, стр. 509.

³² «Сочинения А. Пушкина, ст. II», Соч., т. XI, 1843, стр. 260.

ный для него психический склад. «Как разум, так и сердце живут, а жить значит развиваться, двигаться вперед; поэтому человек не может одинаково чувствовать и мыслить всю жизнь свою; но его образ чувствований и мышления изменяется сообразно возрастам его жизни: юноша иначе понимает предметы и иначе чувствует, нежели отрок; возмужалый человек много разнится в этом отношении от юноши, старец — от мужа, хотя все они чувствуют одним и тем же сердцем, мыслят одним и тем же разумом»³³. Особенно часто останавливался Белинский на характеристике психологии юности в ее неповторимом своеобразии.

Как относиться к тем случаям, когда черты юношеской психологии сохраняются у человека в течение всей жизни, когда он и в зрелые годы и даже в старости остается юношей по своему психическому складу? На этот вопрос можно найти у Белинского прямо противоположные ответы. Объясняется это тем, что в разных случаях он имел в виду разные стороны психологии юности.

К числу характерных признаков юности относится наличие неопределенных и беспредметных желаний («стремится ко всему и не в состоянии остановиться ни на чем», «желая много, не хочет ничего»), «любовь к идеалу и гордое презрение к действительности»³⁴. Так понимаемая «психология юности» хороша только в свое время, а люди, остающиеся в зрелые годы юношами в таком смысле, являются личностями прежде всего комическими³⁵.

Но есть и другая сторона «психологии юности» — «способность умственного движения вперед»³⁶,

«божественная способность нравственной подвижности»³⁷. Большинство людей утрачивает эту способность при переходе от юности к «летам возмужалости», — говорит Белинский. «Человек только до известного возраста своей жизни обладает способностью умственного движения вперед; раз утвердившись в известном образе мыслей, по достижении известного возраста, он делается слеп и глух для всякой новой истины, и видит в ней ложь и нечестие»³⁸. Действительно, так было и так неизбежно должно быть в условиях классового общества, сохранение которого требует, чтобы у большинства представителей эксплуатирующих классов имелось «довольство тем, что есть, без требования того, чего еще нет, но без чего не для чего жить, примирение с действительностью, терпимость посредственности»³⁹. Лишь немногие сохраняют в этом отношении «вечную юность» и эти немногие — люди подлинно «сильные духом», «избранники провидения». «Благо тому, кто отличный Зевеса любовью, неугасимо носит в сердце своем прометеев огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идее и никогда не покоряясь оцепеневающему времени или мертвящему факту, — благо ему»⁴⁰. «Да, возможное совершенство каждого человека, то, к чему должен и может стремиться каждый человек, состоит именно в том, чтобы и доживши до седых волос, даже у края могилы, не пережить своей юности»⁴¹.

Все сказанное до сих пор достаточно подготовляет последний тезис психологии личности у Белинского — положение об общественной природе личности.

³⁷ «Стихотворения Баратынского», Соч., т. VII, 1842, стр. 472.

³⁸ «Речь о критике» Никитенко, Соч., т. VII, 1842, стр. 415.

³⁹ «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого», Соч., т. VII, 1842, стр. 447.

⁴⁰ «Стихотворения Баратынского», Соч., т. VII, 1842, стр. 472.

⁴¹ «Стихотворения Полежаева», Соч., т. VII, 1842, стр. 174.

³³ «Сочинения А. Пушкина, ст. II», Соч., т. XI, 1843, стр. 228.

³⁴ Там же, стр. 293.

³⁵ «О брошюре Аксакова: «Несколько слов о поэме Гоголя...», Соч., т. VII, 1842, стр. 292.

³⁶ «Речь о критике» Никитенко, Соч., т. VII, 1842, стр. 415.

«Человек может развиваться только на общественной почве, а не сам по себе»⁴².

«Живой человек носит в своем духе, в своем сердце, в своей крови жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветет его здоровьем, блаженствует его счастьем, вне своих собственных, своих личных обстоятельств»⁴³.

«Человек, живущий в обществе, зависит от него и в образе его мыслей и в образе своего действия»⁴⁴.

«Создает человека природа, но развивает и образует его общество. Никакие обстоятельства жизни не спасут и не защитят человека от влияния общества, нигде не скрывается, никуда не уйти ему от него. Самое усилие развиться самостоятельно, вне влияния общества, сообщает человеку какую-то странность, придает ему что-то уродливое, в чем опять видна печать общества же»⁴⁵.

«Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы»⁴⁶.

В одном из писем к Боткину, написанном за несколько месяцев до смерти, Белинский поднимается до мысли о классовой психологии, давая исключительную по силе и гневному пафосу характеристику психологии капиталиста. Страшная правда этих слов Белинского звучит так же актуально и сейчас — через сто лет после того, как они были написаны:

«Я сказал, что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят». «Тор-

гаш — существо, цель жизни которого нажива; поставить пределы этой наживе невозможно. Она, что морская вода; не удовлетворяет жажды, а только сильнее раздражает ее. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману. Для него деньги не средство, а цель, и люди — тоже цель; у него нет к ним любви и сострадания, он свирепее зверя, неумолимее смерти, он пользуется всеми средствами, детей заставляет гибнуть в работе на себя, прижимает пролетария страхом голодной смерти..., снимает за долг рубище с нищего, пользуется развратом, служит ему и богатеет от бедняков». «Торгашу недоступны никакие человеческие чувства, и если какое-нибудь явится у него, например, любовь к сыну или дочери, то не как естественное чувство, а как уродливая страсть, как кара за его отвержение чувства».

С психологической стороны достойны внимания некоторые замечания, которыми Белинский сопровождает эту характеристику. Он признает, что нарисованный им портрет — портрет «не торгаша вообще, а торгаша — гения, торгаша — Наполеона». Но именно эти «гении» и являются «истинными представителями» своего класса. Не в том дело, что среди «торгашей» не бывает «фанатиков торговой части, мучеников добродетелей по-своему». Такие бывают. Дело в том, что объективное социально-экономическое положение капиталиста требует от него тех психических свойств, которые показаны в только-что приведенной характеристике. Лишь обладающий этими свойствами капиталист может быть преуспевающим капиталистом. Другие, подлинно человеческие свойства, неизбежно должны препятствовать капиталисту в осуществлении его жизненной задачи — добиваться наживы, богатства. Капиталист «служит Плутусу, а этот бог ревнивее всех других богов и больше их имеет право сказать: кто не за меня, тот против меня. Он требует себе чело- века всего, без раздела и тогда щедро награждает его; приверженцев же неполных он бросает в банкротство,

⁴² Письмо к В. П. Боткину, 10—11 декабря 1840. «Письма», т. II, стр. 190.

⁴³ «Стихотворения Лермонтова», Соч., т. VI, 1841, стр. 10.

⁴⁴ «Русская литература в 1843 г.», Соч., т. VIII, 1844, стр. 400.

⁴⁵ «Сочинения А. Пушкина, ст. IX», Соч., т. XII, 1845, стр. 127.

⁴⁶ «Сельское чтение», Соч., т. XI, 1848, стр. 162.

а потом в тюрьму, а, наконец в нишету»⁴⁷.

Необычайно велика заслуга Белинского в том, что он, не зная теории исторического материализма, почувствовал то, что оставалось совершенно недоступным таким людям, как, например, Ч. Диккенс или Виктор Гюго: нелепо призывать капиталистов «исправиться», стать человечными и добродетельными: капиталист, чтобы быть преуспевающим капиталистом, должен быть человеком «без патриотизма», «без возвышенности в чувствах», без любви и сострадания, человеком, которому «недоступны никакие человеческие чувства».

Белинский предчувствовал, где искать научного объяснения тех психических особенностей, которые характеризуют представителей определенных общественных групп.

Чувства

В психической жизни личности больше всего, может быть, интересовала Белинского эмоциональная сторона — мир чувств и страстей.

«Страсть есть источник всякой живой, плодотворной деятельности, ...ею сделано все великое и прекрасное; ...без страстей вообще житейское море так же бы чуждо было всякого движения, как водяное море без ветров»⁴⁸.

В высокой степени поучителен для психологов подход Белинского к проблеме чувств. Он видел в чувствах не особый самодовлеющий мир субъективных переживаний и не «эмоциональную бахрому», обволакивающую содержание сознания. Чувства интересовали его как «источник живой плодотворной деятельности», как важнейшая сторона процесса познания, как выражение сложнейших и многообразных отношений между людьми, как показатель направленности личности.

Не всякое эмоциональное состояние заслуживает, для Белинского, названия чувства. Склонность к эмо-

циональным переживаниям, не способным подняться до подлинного чувства, Белинский называл «чувствительностью» или «сентиментальностью». «Чувство и чувствительность не одно и то же: можно быть чувствительным, не имея чувства»⁴⁹.

Первые признаки подлинного чувства — достаточная глубина, сила (энергия) и устойчивость. О герое повести Соллогуба «Тарантас», Иване Васильевиче, Белинский писал: «Всего более приобрел он ваше расположение, вашу любовь, даже ваше уважение — избытком чувства, готового откликнуться на все человеческое, и что же! с этой стороны всего более и должен потерять он в ваших глазах, когда вы лучше рассмотрите и узнаете его? Его чувство так чуждо всякой глубины, всякой энергии, всякой продолжительности, и между тем так легко воспламеняется и проходит, не оставляя следа, что оно похоже больше на нервическую раздражительность, на чувствительность, нежели на чувство»⁵⁰.

Но еще важнее — действительность чувства, способность его побуждать человека к определенным поступкам. Духовный облик человека, переживающего прекрасные и «высокие» чувства, а поступающего наперекор этим чувствам, сильно чувствующего и бесчувственно живущего, был ненавистен Белинскому: может быть даже больше, чем облик человека, открыто и по-просту бесчувственного. Человек, туманом красивых чувств закрывающий от самого себя свое бездушие, социально вреднее обычного лицемера, который, обманывая других, не обманывает, по крайней мере, самого себя.

«Чувство, конечно, важная сторона в натуре человека, но не все и не всегда поступают в жизни сообразно со своею способностью чувствовать глубоко и сильно. Случается и так, что иной, чем сильнее чувствует, тем бесчувственнее живет:

⁴⁷ Письмо к В. П. Боткину, декабрь, 1847. «Письма», т. III, стр. 329—330.

⁴⁸ Ответ «Москвитянину», Соч., т. XI, 1847, стр. 32.

⁴⁹ «Русская литература в 1841 г.», Соч., т. VII, 1842, стр. 18.

⁵⁰ «Тарантас» гр. В. А. Соллогуба, Соч., т. IX, 1845, стр. 307.

рыдает от стихов, от музыки, от живого изображения человеческого бедствия в романе или повести и равнодушно проходит мимо действительного страдания, которое у него перед глазами. Иной управляющий из немцев, со слезами восторга на глазах читает своей Минхен какое-нибудь восторженное послание Шиллера к Лауре, и кончивши последний стих, с неменьшим удовольствием идет пороть мужиков за то, что они осмелились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсем довольны отеческими попечениями управляющего о их благосостоянии, от которых только один он жиреет, а они все худеют»⁵¹.

Образ чувствительного крепостника — самый отвратительный вариант того «прекраснодушия», с которым, как мы видели, постоянно сражался Белинский.

Другой вариант «прекраснодушия» — тип человека, страдающего неизбирательным любвеобилием. «Кто любит все, тот ничего не любит, ибо все граничит с ничем»⁵². «Не верю я этой всеобщей любви, равно на всех простирающейся и не отличающей своих от чужих, близких от дальних: это любовь философская, немецкая, романтическая»⁵³. Такая любовь — показатель не силы, а слабости чувства. О том же Иване Васильевиче из «Тарантаса» Соллогуба, который является образчиком человека чувствительного, но не способного к подлинному чувству, Белинский писал: «Сначала вам покажется, что он добр, даже очень добр; но потом вы увидите, что эта доброта в нем — совершенно отрицательное достоинство». «И тогда вы поймете, что доброта Ивана Васильевича тесно связана в нем с бессилием на зло»⁵⁴.

Любовь «к своим» только тогда имеет ценность, когда она рождает

ненависть к врагам. Ненависть такое же прекрасное чувство, как и любовь; мало того, «ненависть иногда бывает особенною формою любви»⁵⁵.

Интересно отметить, что те же мысли о необходимости ненависти, о том, что без ненависти любовь не имеет цены, развивал неоднократно и Герцен⁵⁶. «Человек социален, — писал он, — любить так естественно для него, что он будет много любить; но иногда он будет и ненавидеть — и только тогда его любовь будет ценна»⁵⁶. Задача «воспитания ненависти» должна стоять на ряду с задачей «воспитания любви». «Я ему буду проповедывать не одну любовь, а и ненависть, — писал Герцен о воспитании своего подрастающего сына, — кто никогда не ненавидел, тот еще не жил вполне; какое это живое, вечно присущее, вечно жгучее чувство»⁵⁷.

Совпадение взглядов Белинского и Герцена в этом вопросе, конечно, не случайно: для всякого подлинного революционера невозможен иной подход к проблеме ненависти.

Ненависть, для Белинского, прекрасное и высокое чувство, но лишь тогда, когда она рождается не из узко личностных, а из принципиальных, идейных мотивов. «Человек нравственный и любящий живет для идеи, составляющей пафос целого его существования: он может горько презирать и сильно ненавидеть, но скорее по отношению к своей идее, чем к своему лицу»⁵⁷.

«Иметь врагов своей мысли, своему убеждению и бороться с ними до последних сил, — в этом есть свое величие, своя прекрасная сторона; но ничего нет хуже, как иметь личных врагов: этого никто не пожелает себе, и высочайшее несчастье для человека — носить в сердце своим личную вражду к человеку:

⁵¹ «Взгляд на русскую литературу 1847 года», ст. II, Соч., т. XI, 1848, стр. 127.

⁵² Письмо к сестрам Бакуниным, 8 марта 1843 г. «Письма», т. II, стр. 351.

⁵³ Письмо В. П. Боткину, 4—8 ноября 1847 г. «Письма», т. III, стр. 281.

⁵⁴ «Тарантас» гр. В. А. Соллогуба, Соч., т. IX, 1845, стр. 306—307.

⁵⁵ Письмо к К. Д. Кавелину, 22 ноября 1847 г. «Письма», т. III, стр. 300.

⁵⁶ Герцен, Дуализм — это монархия. Сб. «Звенья», т. I, 1855, стр. 166. Письмо к жене от 22 июня 1851 г. Полное собрание сочинений и писем под ред. Лемке, т. VI, стр. 416.

⁵⁷ «Сочинения А. Пушкина, ст. VII», Соч., т. XII, 1844, стр. 39.

это болезнь, мания, почти сумасшествие, от которого надо лечиться»⁵⁸.

Страстная сила принципиальной ненависти при полном отсутствии ненависти, вытекающей из лично-жизненных мотивов, составляла отличительную черту самого Белинского. «Он чувствовал, действовал, существовал, — писал о нем Тургенев, — только в силу того, что он признавал за истину, в силу своих принципов». «Мелкого самолюбия в нем и следа не было». «Зато ничего не было для него важнее дела, за которое он стоял, мысли, которую он защищал и проводил: тут он на стену готов был лезть — и беда тому, кто ему попадался под руку!» «Нет! подобного ему человека я не встречал ни прежде, ни после»⁵⁹.

Эту черту — принципиальность в отношении к людям и, в частности, принципиальность ненависти — Белинский ценил в себе. Человек исключительной скромности, этой чертой он гордился. «Природа, — писал он Тургеневу, — мало дала мне способности ненавидеть за лично нанесенные мне несправедливости: я скорее способен возненавидеть человека за разность убеждений или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные»⁶⁰. А за несколько лет до этого он писал своей будущей жене: «Знаете ли вы, что людей, с которыми я ни в чем не могу сойтись, я считаю моими личными врагами и ненавижу их? И знаете ли вы, что я это считаю в себе добродетелью, лучшим, что есть во мне?»⁶¹

И литературные труды Белинского, и вся история его жизни с исключительной яркостью выдвигают важнейший вопрос психологии чувств — вопрос о принципиальности, идейности чувств.

⁵⁸ «Стихотворение Петра Штавера», Соч., т. IX, 1845, стр. 433.

⁵⁹ Тургенев, Воспоминания о Белинском.

⁶⁰ Письмо И. С. Тургеневу, 19 февраля 1847 г. «Письма», т. III, стр. 179.

⁶¹ Письмо М. В. Орловой, 15 октября 1843. «Письма», т. III, стр. 63.

Белинский умел беззаветно любить друзей и неукротимо, беспощадно ненавидеть врагов. Но не всегда так просто разрешался для Белинского вопрос об отношении к человеку. Именно глубокая принципиальность чувств заставляла Белинского в отдельных случаях одновременно и любить, и ненавидеть того же человека. Это бывало тогда, когда в личности и деятельности человека он видел глубоко противоречивые стороны, вызывавшие к себе прямо противоположное отношение.

Таковым было отношение Белинского к М. А. Бакунину в конце тридцатых годов. «Я не умею иначе выразить моего чувства к тебе, как любовью, которая похожа на ненависть, и ненавистью, которая похожа на любовь»⁶². Он любил в Бакуине его страстную преданность философским, идейным исканиям, его способность жить в мире духовных интересов, его свободу от житейских «корыстных» дразг, и ненавидел в нем стремление уйти от жизни во «внутренний мир», аристократическое презрение к прозе жизни.

Иногда самая острота ненависти к отдельным слабостям друга являлась для Белинского доказательством силы и глубины любви к нему. «Я люблю вас, Панаев, люблю горячо — я знаю это по минутам неукротимой ненависти к вам»⁶³.

Вообще, Белинский нередко отмечал сложность, внутреннюю противоречивость человеческих чувств, возможность совмещения в переживании противоположных эмоциональных качеств.

В начале сороковых годов он склонен был даже заострять вопрос о необходимой взаимосвязанности противоположных чувств, и в частности о невозможности счастья без страдания. «Способность страдания обуславливает в нас способность блаженства, и не знающие страдания

⁶² Письмо М. А. Бакунину, 12—24 октября 1838 г. «Письма», т. I, стр. 304.

⁶³ Письмо И. И. Панаеву, 5 декабря 1842 г. «Письма», т. II, стр. 325.

не знают и блаженства, не плакавшие не возрадуются»⁶⁴.

Этот мотив, обычный для идеалистической философии и глубоко реакционный по своему общественно-политическому смыслу, был для Белинского преходящим этапом в развитии его взглядов. По мере того как развивалось его зрелое материалистическое мировоззрение, он все решительнее порывал со всяким «культом страдания».

Отрицательные переживания—горести, печали, страдания не могут быть постоянным, нормальным состоянием человека. «Горесть должна находить себе разрешение, выход в какую-нибудь сторону: иначе она сделается немощью, обнаружит нравственное бессилие человека»⁶⁵.

Проповедь красоты и ценности страдания—реакционная проповедь. Превращение страдания в «ремесло» — один из худших видов ухода от жизненной борьбы в наслаждение своим «внутренним миром». Наиболее ярко эти мысли высказаны Белинским в рецензии на сборник стихотворений молодого Аполлона Григорьева, будущего влиятельного критика реакционного лагеря: «Немного есть у г. Григорьева стихотворений, в которых не говорилось бы о «гордости страдания», о «безумном счастье страдания». Это значит сделать из страдания ремесло, — что кажется нам не совсем истинным и не совсем естественным. «Безумное счастье страдания» — вещь возможная, но это не нормальное состояние человека, а романтическая искаженность чувства и смысла. Есть счастье от счастья, но счастье от страдания — воля ваша — от него надо лечиться — классицизмом здравого смысла, полезной деятельностью и беспритязательностью на превосходство над остальными славными смертными»⁶⁶.

Одна из основных тенденций в высказываниях Белинского по пси-

хологии чувств, тенденция, последовательно проводившаяся им в последние годы его литературной деятельности, это — борьба против всякого искусственного усложнения и запутывания эмоциональной жизни, борьба за здоровую и нормальную эмоциональную жизнь.

Важнейшие мысли Белинского, относящиеся к психологии чувства, нашли себе наиболее полное выражение в его высказываниях о любви и дружбе. Эти высказывания заслуживают, поэтому, внимательного изучения.

Первое, что необходимо здесь отметить, это противопоставление подлинной любви, идущей «от сердца», и любви «головной», надуманной, являющейся не столько чувством, сколько «фантазией» (яркий пример той борьбы Белинского с «фантазией», о которой говорилось выше).

Эта мысль была высказана Белинским еще в 1840 г. по одному частному поводу — в дружеском письме к В. П. Боткину, в котором идет речь о длинном, запутанном и в высшей степени «головном» романе В. П. Боткина с одной из сестер М. А. Бакунина. «Я глубоко убежден, — писал Белинский, — что ее чувство к тебе — фантазия, фантазия и 1000 раз фантазия. Она давно отвыкла от жизни сердцем, и сердце у нее покорный слуга воображения. Воображение живет в голове, следовательно, голова у нее повелевает сердцем»⁶⁷. В последние годы жизни Белинский не раз высказывал эту же мысль и в общей форме: «Любовь к женщине — высокое чувство, но оно тогда только истинно, когда выходит из сердца, а не из головы»⁶⁸. «Родов любви так же много, как много на земле людей, потому что каждый любит сообразно с своим темпераментом, характером, понятиями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь

⁶⁴ «Стихотворения Лермонтова», Соч., т. VI, 1841, стр. 8.

⁶⁵ «Сборник «Вчера и сегодня», Соч., т. X, 1846, стр. 242.

⁶⁶ «Стихотворения Аполлона Григорьева», Соч., т. X, 1846, стр. 296.

⁶⁷ Письмо В. П. Боткину, 10—11 декабря 1840. «Письма», т. II, стр. 179.

⁶⁸ «Русская литература в 1845 г.», Соч., т. X, 1846, стр. 100.

бы только она была в сердце, а не в голове»⁶⁹.

Чтобы понять актуальность борьбы Белинского против «головных» чувств в сороковых годах XIX в., достаточно перечитать знаменитую характеристику московских философских кружков конца тридцатых — начала сороковых годов, данную Герценом в «Былом и думах»: «Молодые философы наши испортили себе не одни фразы, но и понимание; отношение к жизни, к действительности сделалось школьное, книжное; это было то ученое понимание простых вещей, над которым так гениально смеялся Гёте в своем разговоре Мефистофеля со студентом. Все в самом деле непосредственное, всякое простое чувство было возводимо в отвлеченные категории и возвращалось оттуда без капли живой крови, бледной алгебраической тенью». «Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтоб отдаваться пантеистическому чувству своего единства с космосом; и если ему попался по дороге какой-нибудь солдат под хмельком или баба, вступавшая в разговор, философ не просто говорил с ними, но определял субстанцию народную в ее непосредственном и случайном явлении»⁷⁰.

Восставая против «головной», так называемой «платонической или идеальной» любви, Белинский отвергал и грубо чувственную, элементарно «материальную» любовь. «Прежде всего разделяют любовь на материальную или чувственную и платоническую или идеальную, презирают первую и восторгаются второй». Но — «Человек не зверь и не ангел; он должен любить не животным и не платонически, а человечески»⁷¹. О Кольцове он писал: «Он был слишком умен, чтоб быть в любви идеалистом, и был слишком деликатно и благородно создан,

чтоб быть в ней материалистом»⁷².

Во второй статье о Пушкине Белинский сделал попытку дать очерк исторического развития чувства любви, историю развития подлинно «человеческой» любви из простого «чувственного, на природе основанного, стремления одного пола к другому». Задача эта, гениально разрешенная впоследствии Энгельсом, была неразрешима для Белинского, тем более для Белинского 1843 г. Однако и в этой работе и в особенности в более поздних работах Белинский высказал ряд верных и прогрессивных для того времени мыслей о сущности подлинно «человеческой» любви. Многие из них не утратили своего значения и сейчас.

Исходная мысль Белинского заключается в том, что у человека не уничтожаются, не отмирают непосредственно чувственные, «естественные стремления», но они «очеловечиваются», «просветляются идеєю». «Для человека нашего времени не может не существовать прелесть изящных форм в женщине, ни обаятельная сила эстетического и страстного наслаждения. И, несмотря на то, это будет не одна чувственность, не одна страсть, но вместе с тем и глубокое целомудренное чувство, привязанность нравственная, связь духовная, любовь души к душе». «Видеть и уважать в женщине человека — не только необходимость, но и главное условие возможности любви для порядочного человека нашего времени»⁷³.

Очень часто возвращается Белинский к вопросу о том, как рождается любовь и дружба, какое значение имеют в зарождении этих чувств идейная связь, общность стремлений, с одной стороны, и непосредственное чувство, с другой.

Невозможна подлинная любовь и дружба без идейной связи, без общности «понятий». Это постоянно подчеркивалось Белинским. «Я не умею понимать ни любви, ни друж-

⁶⁹ «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», ст. II, Соч., т. XI, 1848, стр. 129.

⁷⁰ Герцен, Былое и думы, гл. XXV.

⁷¹ «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», ст. II, Соч., т. XI, 1848, стр. 128.

⁷² «О жизни и сочинениях Кольцова», Соч., т. X, 1846, стр. 272.

⁷³ «Сочинения А. Пушкина, ст. II», Соч., т. XI, 1843, стр. 243, 244.

бы иначе, как на взаимном понимании истины и стремлении к ней»⁷⁴. «Вы пишете, что... не понимаете любви за понятия». «Любить человека за понятия и можно и не можно. Надо условиться в значении слова «понятие». Если по вашему понятию, яблоки вкуснее груш, а город Торжок богаче города Ельца, — я за это не могу ни любить, ни ненавидеть вас». Но: «Есть понятия, для которых — и жизнь и счастье жизни — возможные жертвы! Есть понятия, которые смущают покой ночной, отравляют пищу, которые по воле и кипятят и прохлаждают кровь». «Я понимаю, что для того, чтобы полюбить женщину, не нужно делать экзамена ее понятиям; но... я могу или еще более полюбить пленивший меня женственный образ за его понятия, или совсем разлюбить его за них»⁷⁵.

Придавая такое большое значение идейной стороне в возникновении любви и дружбы, Белинский, однако, и здесь выступал против искусственного «умничанья» и замены больших человеческих чувств надуманными рациональными схемами.

«Я понимаю это дело очень просто и вместе с тем очень человечески»⁷⁶. «Сердце имеет свои законы. Сходство натур, нравственная симпатия, сходство понятий могут и даже должны играть большую роль в любви разумных существ; но кто в любви отвергает элемент чисто непосредственный, влечение инстинктуальное, невольную прихоть сердца,... — кто отвергает все это, тот не понимает любви. Если б выбор в любви решался только волею и разумом, тогда любовь не была бы чувством и страстью»⁷⁷. «Нельзя отрицать влияния нравственных качеств на чувство любви, но когда любят человека, любят его всего. не

как идею, а как живую личность»⁷⁸.

Надо любить предмет любви, а не собственное чувство. Вот важнейший тезис, из которого Белинский исходит при решении таких вопросов, как «любовь и долг», верность в любви, любовь и ревность. Конечно, это тезис этический, а не психологический, но в основе его лежит глубокий и тонкий психологический анализ чувства.

«Есть два рода любви. То, что мы называем любовью романтической, мистической, фантастической — это цвет юности и болезнь натур внутренних: в этой любви любишь не предмет любви, а свою любовь, о мистикой ее ощущений». «Отличительный характер любви действительной... состоит в том, что любишь предмет любви, а не любовь свою»⁷⁹.

То, что названо в этой цитате «любовью романтической», чаще всего бывает продуктом «холодного эгоизма», который Белинский противопоставляет с тем большей страстностью, чем более «опоэтизированным» представляется этот эгоизм. Яркий пример такого эгоизма Белинский находит в биографии Гёте:

«Гёте любит девушку, любимую, — и что же? он играет этою любовью. Для него важны ощущения, возбужденные в нем предметом любви, — он их анализирует, воспекает в стихах, носится с ними, как курица с яйцом; но личность предмета любви для него — ничто... Девушка потом умирает, — и ни один стих Гёте, ни одно слово его во всю остальную жизнь не напоминало о милой, поэтичной Лили, которая так любила этого великого эгоиста. Вот он — идеализированный, опоэтизированный холодный эгоизм внутренней жизни, который дорожит только собою, своими ощущениями, не думая о тех, кто возбуждал их в нем, как ростовщик дорожит своими процентами, не думая о тех, которые, может быть, ценою

⁷⁴ Письмо И. И. Панаеву, 10 августа 1838 г. «Письма», т. I, стр. 210.

⁷⁵ Письмо Н. А. Бакунину, 28 ноября 1842 г. «Письма», т. II, стр. 322.

⁷⁶ Письмо В. П. Боткину, 10—11 декабря 1840. «Письма», т. II, стр. 181.

⁷⁷ «Сочинения А. Пушкина, ст. VIII», Соч., т. XII, 1844, стр. 102.

⁷⁸ Взгляд на русскую литературу 1846 г., Соч., т. X, 1847, стр. 407.

⁷⁹ Письмо В. П. Боткину, 17 апреля 1843 г. «Письма», т. II, стр. 362.

кровавых слез принесли ему их»⁸⁰.

Решение Белинским вопроса о любви и долге, о верности в любви можно кратко выразить следующим образом: нелепо говорить о «долге перед своим чувством» и, следовательно, о «верности своему чувству»; «любовь до гроба» часто бывает аффектацией, лицемерием или «головным», воображаемым чувством: но можно и должно говорить о долге перед другим человеком, перед предметом любви; заботиться надо о том, чтобы «не разбить другого сердца», не быть причиной чужого несчастья.

«Мы мало уважаем *верность до гроба* и считаем ее натяжкой воли, аффектацией, а не свободно горящим чувством». «Есть люди, ... которые готовы уверить себя в каком угодно чувстве, и которые никогда не будут иметь благородной смелости сознаться перед самим собою, что их чувство у них не в сердце, не в крови, а в голове и фантазии. Они думают, что изменить раз овладевшему чувству постыдно, и целую жизнь натягивают, силою воли держат себя в этом чувстве».

Надо хлопотать «не о том, однажды или дважды должно и можно любить в жизни, но о том, чтоб не разбить другого предавшегося вам сердца, и не быть причиной несчастья его жизни». «Вы любили только раз в жизни и были до гроба верны одной только привязанности: прекрасно! Но не делайте из этого общего для всех правила! Один так, другой иначе, тот — один раз в жизни, а этот — десять раз: оба равно правы, лишь бы только на совести которого-нибудь из них не легло ничье несчастье. Нет преступления любить несколько раз в жизни, и нет заслуги любить только один раз: упрекать себя за первое и хвастаться вторым — равно нелепо»⁸¹.

Нет сомнения, что в этих высказываниях Белинский протестует против лицемерия буржуазной мо-

рали и против того, что так часто «опоэтизировалось» этой моралью: против внешне красивых, но надуманных, «головных» чувств, с одной стороны, и против болезненной аффектации, с другой.

Любовь не может и не должна составлять единственного содержания, главного смысла жизни.

«Жалок был бы человек, если бы он мог найти полное удовлетворение в любви»⁸².

«Мы не верим, чтоб все назначение человека заключалось только в любви и чтоб все силы его души должны были сосредоточиться в одном этом чувстве»⁸³.

Здесь мы снова должны отметить полное совпадение взглядов Белинского и Герцена, «Монополию любви, — писал Герцен, — надо подорвать вместе с прочими монополиями»⁸⁴. «Я отрицаю то царственное место, которое дают любви в жизни, я отрицаю ее самодержавную власть»⁸⁵.

Любовь, как и дружба, не может питаться сама собой, не превращаясь в любовь «фантастическую», основанную на уходе от жизни во внутренний мир и делающую из человека холодного эгоиста. Любовь это — огонь, а огонь не может поддерживаться без горючего; для любви горючее это — жизнь, и, прежде всего, общественная жизнь, «общественность», как говорил Белинский. «Мы, Боткин, любим друг друга; но наша любовь — огонь, который должен питаться сам собою, без внешней поддержки. О, если бы ему масла внешних общественных интересов!»⁸⁶.

«Священная потребность любви к женщине... и ее осуществление бывают пошлы, если их корень не врос

⁸⁰ Письмо В. П. Боткину, 11 мая 1843 г. «Письма», т. II, стр. 366.

⁸¹ «Сочинения А. Пушкина, ст. II», Соч., т. XI, 1843, стр. 253.

⁸² Герцен, Капризы и раздумья. 1. По поводу одной драмы, Полн. собр. соч., т. III, 1842, стр. 262.

⁸³ Герцен, Былое и думы, ч. V. «Раздумье по поводу затронутых вопросов».

⁸⁴ Письмо В. П. Боткину, 3 сентября 1841. «Письма», т. II, стр. 265.

глубоко в почву действительности и оторвался от других сторон жизни. В нашей общественности особенно часты примеры разочарованного, охладившего чувства, которое, перегорев в самом себе, вдруг потухает без причины... Где, в чем причина этого явления? — в общественности...»⁸⁷.

Здесь мы снова встречаем одну из гениальных догадок Белинского: даже самые «личные» чувства человека имеют свою подлинную основу в общественной жизни, ибо человек по самой сущности своей есть прежде всего «гражданин своего отечества». Не будучи «гражданином», он не может быть человеком, и чувства его не могут возвыситься до подлинно человеческих чувств.

«Горе тому, кто, в наше время, здание счастья своего вздумает построить на одной только любви, и в жизни сердца вознамерится найти полное удовлетворение всем своим стремлениям! В наше время, это значило бы отказаться от своего человеческого достоинства, из мужички сделаться — самцом! Мир действительный имеет равные, если не большие права на человека, и в этом мире человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы и ревностно поборящим по мере сил своих, его преуспеянию на пути нравственного развития»⁸⁸.

Вопросы психологии познания

В начале статьи шла речь о том, что в 1837 г. в переписке Белинского с Бакуниным развернулся горячий спор о роли «внутренних» и «внешних» факторов в духовном развитии личности. В этом споре ярко проявились стихийно-материалистические тенденции молодого Белинского, бывшего в те годы еще под влиянием идеалистической фи-

лософии. В следующем, 1838 г., спор с Бакуниным продолжался, но центральным содержанием его стала проблема познания. И здесь не менее ярко обнаружилось капитальное различие в воззрениях Белинского и Бакунина.

Надо заметить, что 1838 г. относится к тому периоду жизни Белинского, который характеризуется обычно как «гегельянский». На самом деле, Белинский и в эти годы по ряду принципиальных вопросов решительно расходился с Бакуниным, который в этот период был действительно убежденным гегельянцем. Приводимые ниже положения, которые Белинский защищал в интересующем нас споре, следует назвать скорее антигегельянскими, чем гегельянскими. Этим, конечно, не отрицается тот бесспорный факт, что в этот период Белинский высказывал ряд идеалистических идей, ведущих свое начало от философии Гегеля. Но в целом мировоззрение Белинского этого периода нельзя назвать гегельянским. Оно включало в себя много стихийно материалистических моментов, которые Белинский страстно отстаивал, как свои кровные убеждения.

Центром спора между Белинским и Бакуниным в 1838 г. была проблема, которую можно назвать познание и жизнь, мысль и действительность.

В первом из относящихся сюда писем Белинский ставит вопрос: «Что значит сознать действительность?» и отвечает на него указанием на то, что «есть два рода людей», характеризующихся противоположным подходом к познанию действительности. «Первый род — это люди, одаренные от природы инстинктом истины, простотой, нормальностью. Иногда они совсем не рассуждают о действительности, иногда очень пошло рассуждают, но действуют всегда в духе ее, постигают ее инстинктом и сами суть не иное что, как олицетворение действительности. Но есть люди другого рода: эти превосходно понимают действительность в мысли, но живут совершенно вне ее».

⁸⁷ Письмо к сестрам Бакуниным, 8 марта 1843. «Письма», т. II, стр. 346.

⁸⁸ «Сочинения А. Пушкина, ст. II», Соч., т. XI, 1843, стр. 240.

Конечно, указание на типологические различия между людьми само по себе не может служить ответом на поставленный в начале принципиальный вопрос. Ответом служить не столько само это различие, сколько признание Бакунина типичнейшим представителем «второго рода» людей, лишь понимающих действительность в мысли, но живущих вне ее — и начало атаки (скорее, предупреждение о предстоящей атаке) на людей такого отношения к действительности. «Ты — совершенно, с ног до головы, есть представитель людей второго рода. Я не знаю никого равного тебе в силе и могуществе мысли». «Ты превосходно *мыслишь* о действительности, и на этом поприще я отказываюсь от всякой борьбы с тобою, заранее признавая себя побежденным. Но когда дело дойдет до применения, до осуществления жизни своих понятий, — ты тут не борись со мною, потому что в этом отношении, ты никогда не знал действительности»⁸⁹.

В последующих письмах Белинский переходит уже к прямому нападению на людей отвлеченной мысли, живущих вне действительности и ставящих мысль выше действительности.

«Можно превосходно понимать действительность *мыслию* и, в то же время, быть совершенно вне ее. Вся жизнь. твоя — доказательство этого»⁹⁰. Не надо понимать начало этой фразы буквально — то «превосходное понимание», о котором там идет речь, на самом деле имеет очень мало цены:

«Я уважаю мысль и знаю ей цену, но только *отвлеченная* мысль в моих глазах ниже, бесполезнее, дряннее эмпирического опыта, а недопеченный философ хуже доброго малого»⁹¹. Белинский настойчиво подчеркивает недостаточность «отвлеченной мысли» для познания

действительности; необходимо еще и то, что он называет «тактом, инстинктом действительности» и что вырабатывается самой жизнью, а не одним отвлеченным мышлением.

«Знание действительности состоит в каком-то инстинкте, такте, вследствие которых всякий шаг человека верен, всякое положение истинно, все отношения к людям безошибочны, ненатянуты». «Разумеется, кто к этому инстинктуальному проникновению присоединит сознательное, через мысль, тот вдвойне овладеет действительностью; но главное — знать ее, как бы ни знать, а этого знания нельзя достигнуть одною мыслию — надо жить, надо двигаться в живой действительности»⁹².

«Однажды навсегда: человек, который живет чувством в действительности, выше того, кто живет *мыслию* в призрачности (т. е. вне действительности); но человек, который живет *мыслию* (конкретною мыслию) в действительности, выше того, кто живет в ней только своею непосредственностью. Понятно ли? Ясно ли?»⁹³

Итак, не об отрицании роли сознательности, мысли заботится Белинский (сознательное постижение действительности выше непосредственного), но о том, чтобы познание было познанием действительности, а не самодовлеющей работой отвлеченной мысли.

Мысль, не опирающаяся на знание фактов, а следовательно, на чувственность, не может дать подлинного знания истины.

«Явления для меня есть по преимуществу откровение истины; никогда мысль не откроет мне того, что открыли явления»⁹⁴. «Кто, не понимая мысли, увлекается только ее логическою необходимостью без внутреннего *чувственного* убеждения в ее истинности, тому есть за что сердиться на себя»⁹⁵.

⁸⁹ Письмо М. А. Бакунину, 10 сентября 1838 г. «Письма», т. I, стр. 239—240.

⁹⁰ Письмо М. А. Бакунину, 12—24 октября 1838. «Письма», т. I, стр. 268.

⁹¹ Письмо М. А. Бакунину, 16—17 августа 1838. «Письма», т. I, стр. 224.

⁹² Письмо М. А. Бакунину, 12—24 октября 1838. «Письма», т. I, стр. 276.

⁸⁹ Письмо М. А. Бакунину, 20 июня 1838 г. «Письма», т. I, стр. 193.

⁹⁰ Письмо М. А. Бакунину, 10 сентября 1838 г. «Письма», т. I, стр. 238.

⁹¹ Письмо М. А. Бакунину, 12—24 октября 1838 г. «Письма», т. I, стр. 267.

Мысль, противоречащая фактам, не имеет цены. «Я мыслю (сколько в силах), но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стучается о факты — я велю ее мальчику вымести вместе с сором»⁹⁶.

Не жизнь для мысли, а мысль для жизни. Ложность позиции Бакунина в том, что для него дело обстоит как-раз наоборот. «Ты как-то не мыслю поверяешь жизнь, а жизнию меряешь мысль и жизнь подводишь под мысль»⁹⁷.

Нельзя назвать гегельянцем автора этих высказываний!

Естественно, что по мере перехода Белинского к последовательно-материалистическому мировоззрению он еще резче возражал против всякого разрыва между знанием и жизнью.

«Для немца *знать* и *жить* две совершенно различные вещи»⁹⁸. Такое отношение к знанию Белинский решительно отвергал. «Ты пишешь, — обращался он к Константину Аксакову, будущему столпу славянофильства, — что живешь хорошо, доволен собою, понимаешь Гегеля, видишь свое место в науке; и в то же время говоришь, что тебе не выйти из твоей односторонности, и что действительность закрыта и недоступна для тебя. Если ты прав, ты должен бояться науки, ибо действительность знания есть действительность жизни, но без последней она порождает в науке Тредьяковских и Шевыревых»⁹⁹.

Знание должно служить жизни не только в том, чтобы вести к пониманию ее, но и в том, чтобы вести к ее изменению. «Мне кажется, что разум дан человеку для того, чтобы он разумно жил, а не для того только, чтобы он видел, что он неразумно живет»¹⁰⁰.

⁹⁶ Письмо М. А. Бакунину, 12—24 октября 1838. «Письма», т. I, стр. 268.

⁹⁷ Письмо М. А. Бакунину, 10 сентября 1838. «Письма», т. I, стр. 239.

⁹⁸ «Сочинения Державина», Соч., т. VIII, 1843, стр. 138.

⁹⁹ Письмо К. С. Аксакову, 14 июня 1840. «Письма», т. II, стр. 137.

¹⁰⁰ Письмо М. В. Орловой, 2 октября 1843 г. «Письма», т. III, стр. 30.

В этой фразе дано замечательное предвосхищение (не до конца осознанное и самим Белинским) гениального положения Маркса, высказанного в знаменитых тезисах о Фейербахе.

Истинное познание предполагает и знание фактов и уразумение их значения, т. е. синтез фактического и философского знания: «Одно знание фактов... ничто,... все дело в разумении значения фактов. Мы этим отнюдь не хотим сказать, чтоб фактическое знание было ненужно, бесполезно: мы хотим сказать только, что знание фактов без разумения их еще не есть знание в истинном и высшем значении этого слова. Без знания фактов невозможно и разумение их, потому что, когда нет фактов, как данных, как предметов знания, тогда нечего и уразумевать; следовательно, и фактическое знание необходимо; только без философского знания оно будет таким же призраком, как и философское знание без фактического приготовления и основания»¹⁰¹. «Резонерством» называл Белинский «несвоевременное мышление о том, чего еще нет в созерцании»¹⁰².

В этой связи понятно то большое значение, которое Белинский придавал принципу наглядности в обучении, выводя этот принцип из материалистического понимания процесса познания. «Эта великая важность наглядности, — писал он, — основана на самой природе человека, у которого самые отвлеченные умственные представления все-таки суть не что иное, как результат деятельности мозговых органов, которым присущи известные способности и качества. Давно уже сами философы согласились, что «ничего не может быть в уме, что прежде не было в чувствах». Гегель, признавая справедливость этого положения, прибавил: «кроме самого ума». Но эта прибавка, едва ли не подозрительная, как порождение

¹⁰¹ «Русская литература в 1842 г.», Соч., т. VIII, 1843, стр. 1.

¹⁰² Письмо В. П. Боткину, 16 декабря — 10 февраля 1840. «Письма», т. II, стр. 13.

трансцендентального идеализма»¹⁰³.

Уже в ранней переписке с Бакуниным Белинский, как мы видели, подчеркивал необходимость для познания не одного лишь мышления, но и того, что он называл в то время «тактом действительности», «инстинктом действительности». В более поздних и зрелых работах он называет эту последнюю сторону процесса познания «чувством». Термин «чувство» означает у Белинского в этой связи не ощущение, не сенсорный момент познания, а эмоциональное переживание, в более же широком и, надо признать, довольно неопределенном значении — всякое непосредственное познание, отличающееся от мышления, разума, как познания опосредствованного. Глубокая постановка вопроса о познавательном значении чувств, о единстве интеллектуального и эмоционального моментов в процессе познания составляет одну из самых больших заслуг Белинского в разработке проблем психологии. Подробное рассмотрение этого вопроса было сделано Белинским в контексте проблем психологии творчества и психологии восприятия искусства. Поэтому изложение относящихся сюда взглядов не может быть дано в настоящей статье. Здесь мы можем лишь указать на постановку этого вопроса в общепсихологическом плане.

Разум и чувство не должны рассматриваться как начала, враждебные друг другу, как способности по самой природе своей антагонистические. «И почему разум и чувство — начала враждебные друг другу? Если они враждебны, то одно из них — лишнее бремя для человека. Но мы видим и знаем, что глупцы бывают лишены чувства, а бесчувственные люди не отличаются умом». «Очевидно, что разум и чувство — две силы, равно нуждающиеся друг в друге, мертвые и ничтожные одна без другой». «Без

чувства идеи холодны, светят, а не греют, лишены жизненности и энергии, неспособны перейти в дело. Итак, полнота и совершенство человеческой природы заключается в органическом единстве разума и чувства».

Но это не значит, что между разумом и чувством невозможно противоречие. Это противоречие не только возможно, но и неизбежно, и оно, рождая «муку сомнения», является движущей силой процесса познания. «Горе тому, который разделяется сам на себя; горе человеку, в котором чувство восстанет на разум, или разум восстанет на чувство! И однако-ж, это горе неизбежное, необходимое, и мертв, ничтожен тот человек, который не испытал его! Чувство, по натуре своей, стремится к положению, любит останавливаться на положительных результатах; разум контролирует положения чувства и, если не найдет их основательными, отрицает их. Отсюда происходит мука сомнений. Но без этого сомнения, человек, остановившись раз на известном положении, и закоснел бы в нем, не двигаясь вперед, следовательно, не развиваясь, — не делался бы из младенца отроком, из отрока юношей, из юноши мужем, из мужа старцем, до смерти своей оставался бы младенцем. Дух сомнения гонит человека от одного определения к другому, — и благо тому, кто сомневается в известных истинах, не сомневаясь в существовании истины, ибо истины преходящи, но истина вечна!»¹⁰⁴.

Истина должна усваиваться не одним лишь «логическим мышлением», но всем существом человека, в такой же мере чувством, как и разумом. «С напряжением, горестно и трудно, принимаю мой дух в себя и любовь, и вражду, и знание, и всякую мысль, всякое чувство; но приняв, весь проникается ими, до сокровенных и глубоких изгибов своих»¹⁰⁵. «Я много раз принимал

¹⁰³ «Картина земли Постельса». Соч., т. X, 1847, стр. 509. Белинский ошибся: прибавка «*isi ipse intellectus*» была сделана не Гегелем, а Лейбницем.

¹⁰⁴ «Стихотворение Баратынского», Соч., т. VII, 1842, стр. 481—482.

¹⁰⁵ Письмо М. А. Бакунину, 10 сентября 1838. «Письма», т. I, стр. 227.

истины по их логической необходимости, но они никогда не входили в меня глубоко, а приставали ко мне снаружи и тотчас отваливались. И потом жизнь меня наводила на них — и тогда я принимал их с убеждением. Тебя должно удивлять, что я иногда с важностью и многословием говорю в моих письмах о таких истинах, о которых ты часто от меня слышал: это значит, что я почувствовал то, что прежде только знал — а в этом большая разница»¹⁰⁶.

Термин убеждение имеет для Белинского значение одного из центральных психологических понятий. «Способность убеждения одна из прекраснейших способностей человеческой природы»¹⁰⁷. Под убеждением Белинский понимает органическое усвоение мыслей, требующее «равномерного участия всех сторон нравственного существа». В убеждении осуществляется единство разума и чувства.

«Под сознанием не должно разуметь одного холодного логического процесса мысли, но страстное переходящее в жизнь убеждение. Полнота жизни человека должна состоять в равномерном участии всех сторон его нравственного существа. В мысли без чувства и в чувстве без мысли виден только порыв к сознанию, половина сознания, но еще не сознание»¹⁰⁸.

Нельзя не отметить, однако, что давая такую глубокую постановку вопроса о единстве разума и чувства в процессе познания, Белинский, рассматривая процесс развития человека, неправильно разрывал иногда эти два момента. Он считал, что на известной ступени развития имеет место только непосредственное познание: чувство есть, а мысль еще отсутствует, что не мешает человеку на этой ступени развития достигать большой глубины и «чело-

вечности» познания. Очень ярко это выражено в характеристике образа Старого цыгана в «Цыганах» Пушкина: «У него нет мыслей: он мыслит чувством, — и как истинны, глубоко, человечны его чувства!»¹⁰⁹.

Эта ошибка отражается и в некоторых педагогических высказываниях Белинского. Говоря о нравственном воспитании, он советует по отношению к детям «даже и дальше семилетнего возраста» воздерживаться от раскрытия соответствующих понятий, «не учить, а приучать к хорошим чувствам, наклонностям и манерам, основывая все преимущественно на привычке, а не на преждевременном и, следовательно, неестественном развитии понятий. Приобретенное дитятею таким непосредственным образом, так сказать, привычкою, послужит самым прочным основанием для сознательного развития всех человеческих чувств, когда настанет время деятельности его ума и рассудка»¹¹⁰. «Время деятельности ума» наступает, конечно, гораздо раньше семилетнего возраста и ничего «неестественного» в развитии у детей понятий, доступных их возрасту, нет. Этим не снимается известная педагогическая правда, содержащаяся в приведенном совете Белинского: в младшем возрасте, действительно, надо больше приучать, чем учить, лишь бы только это не означало, что в этом возрасте совсем не надо учить и что до известного (довольно позднего!) возраста «ум и рассудок» у ребенка еще не функционируют.

Вопрос о роли разума и чувства в процессе познания непосредственно приводит к вопросу о том, как совместить объективность познания со «страстностью» его. По этому вопросу у Белинского имеются (в произведениях зрелого периода) высказывания, на первый взгляд противоположно направленные.

¹⁰⁶ Письмо М. А. Бакунину, 13—14 августа 1838 г. «Письма», т. I, стр. 220.

¹⁰⁷ «Мысли и заметки о русской литературе», Соч., т. X, 1846, стр. 152.

¹⁰⁸ «Руководство к познанию новой истории Смарагова», Соч., т. XII, 1844, стр. 455.

¹⁰⁹ «Сочинения А. Пушкина, ст. VII», Соч., т. XII, 1844, стр. 40.

¹¹⁰ «Новая библиотека для воспитания», Соч., т. X, 1847, стр. 502.

С одной стороны, он требует «хладнокровия и беспристрастия»: «Всякое исследование непременно требует такого хладнокровия и беспристрастия, которые возможны человеку только при условии полного отрицания своей личности на время исследования»¹¹¹. «Чтоб что-нибудь верно оценить рассудком, необходимо это что-нибудь отделить от себя и хладнокровно посмотреть на него, как на что-то чуждое себе, вне себя находящееся»¹¹².

С другой стороны, он указывает на то, что любовь, страсть и, если угодно, «пристрастность» в процессе познания дают возможность открыть то, что недоступно холодному уму: «Для кого все предметы одинаково ясно видимы, тот в сущности не видит и не знает ни одного». «Вглядываясь в произведения самобытного таланта, всегда находите в них признаки сильной склонности, иногда даже страсти, к чему-нибудь одному, и потому самому такой талант становится для вас истолкователем овладевшего им предмета»¹¹³. «Любовь часто ошибается, видя в любимом предмете то, чего в нем нет, — правда; но иногда только любовь же и открывает в нем то прекрасное или великое, которое недоступно наблюдению или уму»¹¹⁴.

Эти противоречащие друг другу высказывания Белинского отражают не колебания его взглядов, а реальные противоречия процесса познания. Белинский не мог найти теоретического объяснения этих противоречий, не мог поэтому дать исчерпывающего учения о тех условиях, при которых они разрешаются. Это было сделано лишь

Лениным в его учении о партийности познания, исключающей всякий беспристрастный объективизм, но тем самым обеспечивающей подлинную объективность познания. Но один существенно важный — в психологическом плане — момент был правильно отмечен Белинским.

Мысль должна быть страстной и даже «пристрастной», но она должна руководиться страстью к истине, к идее, к предмету, познанию, а не страстями и интересами личностного порядка, прежде всего не интересами самолюбия.

«Отвергнись, отрекись самого себя для истины, будь счастлив истинною, а не своими успехами, будь счастлив, потому что ты *знаешь истину*, а не потому, что ты *знаешь истину*»¹¹⁵. Главный порок людей типа пушкинского Алеко Белинский видел в том, что «их идея, в их глазах, потому только истинна, что она — их идея, и потому всякий, не признающий ее истинности, есть их личный враг»¹¹⁶.

Здесь видел Белинский решение постоянно волновавшего его вопроса о праве человека изменять свои убеждения. Да, — отвечал он, — человек не только имеет право, но и обязан изменять свои убеждения, жертвуя в интересах истины интересами своего самолюбия.

«Чтобы любить истину, должно жертвовать ей своими душевными мыслями, привычками, предубеждениями. А легко ли это?»¹¹⁷.

«Убеждение должно быть дорогое потому только, что оно *истинно*, а совсем не потому, что оно *наше*. Как скоро убеждение человека перестало быть в его разумении *истинным*, он уже не должен называть его *своим*: иначе он принесет истину в жертву пустому, ничтожному самолюбию, и будет

¹¹¹ «Сочинения А. Пушкина, ст. V», Соч., т. XI, 1844, стр. 365.

¹¹² «Сочинения А. Пушкина, ст. X», Соч., т. XII, 1845, стр. 165.

¹¹³ «Повести, сказки и рассказы казака Луганского», Соч., т. X, 1847, стр. 464.

¹¹⁴ Письмо К. Д. Кавелину, 22 ноября 1847 г. «Письма», т. III, стр. 300. Невольно напрашивается сравнение со словами Герцена: «Страсть может не только ослеплять, но и проникать в предмет, обхватывать его своим огнем» («Былое и думы», гл. LIX).

¹¹⁵ Письмо Д. П. Иванову, 7 августа 1837 г. «Письма», т. I, стр. 89.

¹¹⁶ «Сочинения А. Пушкина, ст. VII», Соч., т. XII, 1844, стр. 39.

¹¹⁷ «Стихотворения Баратынского», Соч., т. II, 1842, стр. 244.

называть «своим» ложь. Людей последнего разряда довольно на белом свете; они заставляют себя насильно верить тому, чему верили прежде свободно и чему теперь уж им не верится. Они думают унизиться, отказавшись от одного убеждения в пользу другого, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человека»¹¹⁸.

«Дело не в том, чтобы никогда не делать ошибок, а в том, чтобы уметь сознавать их и великодушно, смело следовать своему сознанию. Я больше всего ценю в людях эластичность души, способность ее к движению вперед. Вот беда, когда эта божественная способность утрачена»¹¹⁹.

«Отречься от своего мнения, значит — признаться в ошибке, а это не совсем лестно для человеческого самолюбия, которое всегда склонно поддерживать, что дважды-два — пять, а не четыре, лишь бы только казаться непогрешительным»¹²⁰.

«Что касается до вопроса, способна ли со способностью страстного, глубокого убеждения способность изменять его, он давно решен для всех тех, кто любит истину больше себя и всегда готов пожертвовать ей своим самолюбием, откровенно признаваясь, как и другие, что может ошибаться и заблуждаться»¹²¹.

Читая эти высказывания Белинского, следует помнить, что речь идет об изменении убеждений, то есть идей, ставших органическим достоянием человека. Людей, легко меняющих свои взгляды только потому, что эти взгляды результат холодного «расчета ума», Белинский презирал. Изменить такого рода взгляды — дело простое, но изменить «страстное, глубокое убеждение» — своего рода нравственный подвиг.

«Кто одарен способностью глубокого, страстного убеждения, кто алчет и жаждет истины, тот может заблуждаться; но ему, — когда он сознает свою ошибку, есть оправдание в ней: это страдание всего его существа, потому что он убеждается всем своим существом — и умом, и сердцем, и кровью, и плотью. Кто же, напротив, одарен счастливою способностью свободного выбора во всем, тому легко убеждаться в чем угодно и на столько времени, на сколько ему заблагорассудится — на год, на два или целую жизнь; потому что ведь это прихоть или расчет ума, а не убеждение, — спокойное действие головы, а не страстное сотрясение всей органической системы, не то чувство, которое заставило лермонтовского «Мцыри» сказать: Я знал одной лишь думы власть...»¹²².

Сам Белинский более, чем кто-либо другой, знал, что такое «глубокое, страстное убеждение» и с каким «страданием» всего существа, с каким «страстным сотрясением» всей органической системы связан отказ от прежних убеждений. Свое мировоззрение философа-материалиста и великого революционного демократа, ставящее его в ряды величайших мыслителей домарксовской философии, он выстрадал ценою тяжелых ошибок и заблуждений.

Совершенно справедливо Герцен видел в Белинском образец такого отношения к истине, «когда она входит в душу с своими вопросами на жизнь и смерть». «У него была в виду одна истина и ничего, разве ее»¹²³. «Для него истины, выводы не были отвлеченностями, ни игрой ума, но вопросами жизни и смерти»¹²⁴.

¹¹⁸ «Речь о критике» А. Никитенко, Соч., т. VII, 1842, стр. 302.

¹¹⁹ Письмо М. В. Орловой, 10 октября 1843 г. «Письма», т. III, стр. 43.

¹²⁰ «Русская литература в 1844 г.», Соч., т. VIII, стр. 392.

¹²¹ «Ответ «Москвитянину», Соч., т. XI, 1847, стр. 40.

¹²² «Русская литература в 1844 г.», Соч., т. IX, 1845, стр. 111.

¹²³ Герцен, 1831—1863, 161-й лист «Колокола». 1863 г. Полное собрание сочинений и писем, т. XVI, стр. 185.

¹²⁴ Герцен, О развитии революционных идей в России, т. VI, 1851. Избранные философские сочинения, 1940, стр. 236.